

СИРИУС

Мы больше, чем любовь

повесть

ЮЛИЯ ХАДАРЦЕВА

Юлия Хадарцева

Сириус. Мы больше, чем любовь

«Автор»

2026

Хадарцева Ю.

Сириус. Мы больше, чем любовь / Ю. Хадарцева — «Автор»,
2026

Сириус — самая яркая звезда ночного неба. Но то, что тысячелетиями принимали за одну звезду, на самом деле двое: видимый гигант и невидимый белый карлик, который и держит орбиту. Юлия Хадарцева берёт эту пару как ключ к самой трудной теме — к любви, которая не может ни слиться до конца, ни разойтись. Через Исиду и Осириса, Иисуса и Магдалину, Мастера и Маргариту, Раму и Ситу, Хюррем и Сулеймана, Шиву и Шакти проступает один и тот же узор: великие связи держатся не постоянным присутствием, а ритмом сближения и расставания. А потом она говорит о себе — о десяти днях молчания, о третьем, вошедшем в поле двоих, и о том, почему пауза не сбой отношений, а их несущая конструкция. Повесть о том, что расстояние — не враг любви, а её условие.

© Хадарцева Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Я — пришелец	6
Глава первая. Сириус	7
Глава. Египет	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Юлия Хадарцева
Сириус. Мы больше, чем любовь

СИРИУС

Мы больше, чем любовь

повесть

Юлия Хадарцева

Пролог. Я — пришелец

Она ещё нетвёрдо говорила на его языке — путала слова, ставила ударения не туда,правляла всё это своим причудливым акцентом, — и порой ему и правда казалось, что перед ним говорит кто-то с другой планеты, пробующий на слух чужую речь. Иногда это звучало почти буквально так, будто с ним говорит пришелица из космоса на собственном, никому больше не понятном языке.

— I'm alien, — сказала она однажды.

По-английски это читается сразу двумя способами: «я чужая» и «я — инопланетянин, существо с другой планеты». Она не выбирала, какой из них имеет в виду. Она имела в виду оба.

Он посмотрел на неё с той тёплой, чуть улыбочивой снисходительностью, с какой смотрят на нечто настолько своё, что даже непонятное в нём кажется родным: «опять она рассказывает какие-то свои истории».

И тогда она поняла: объяснять бесполезно. Сказать вслух «я прилетела с Сириуса» — значит быть услышанной как очередная причуда. Слова, брошенные напрямую, гаснут раньше, чем долетают, как свет звезды гаснет в слишком плотной атмосфере.

Но у слов есть обходной путь. Если нельзя сказать — можно написать. Книгу нельзя взглядом остановить на середине фразы. Так она решила: расскажет это не ему в тот вечер, а всем, кто однажды откроет эти страницы, — потому что то, что нельзя объяснить за один разговор, можно объяснить целой книгой.

Я — Сириус?

Вопрос нелеп ровно до тех пор, пока не вспомнить: видимая, шумная часть — ещё не вся система. Есть и другая половина — плотная, невидимая, будто прилетевшая ниоткуда, чьё присутствие выдаёт лишь то, как покачивается на своём пути та, что светит. Может быть, «я — пришелец» и «я — Сириус» — одна и та же фраза на двух разных языках: языке недопонимающего взгляда и языке книги, которая слышит всё.

Глава первая. Сириус

На небе есть точка, которая горит ярче остальных. Люди тысячелетиями смотрели именно на неё, ошибочно полагая, что смотрят на звезду. На самом деле они смотрели на двоих.

Сириус — самая яркая звезда ночного неба после Солнца, и почти в двадцать раз ярче большинства звёзд, видимых глазом. Расположен он в созвездии Большого Пса, отчего древние римляне называли самые жаркие дни лета «днями пса» — *dies caniculares*, — как будто зной имел имя и это имя было именем звезды. Восемь целых шесть десятых светового года отделяют нас от неё. Не так уж далеко, если измерять расстояние в тоске: свет, который долетает до земного глаза, вышел оттуда, когда где-то на Земле кто-то ещё помнил, каково это — быть вместе.

Но то, что мы называем одной звездой, на самом деле — двое.

Первого зовут Сириус А. Он раскалён, бел, огромен — примерно вдвое массивнее Солнца и светит ярче него почти в двадцать восемь раз. Это тот, кого видно. Тот, о ком слагают мифы, чьё имя носит созвездие, чьё явление на небосклоне египтяне называли предвестием разлива Нила и от чьего первого появления на предрассветном небе отсчитывали начало нового года. Он — фасад системы. Он — тот, кто снаружи.

Быть видимым — не значит быть целым. Иногда это значит только одно: успеть первым заслонить собой того, кто сзади.

Второго зовут Сириус Б. Его не видно невооружённым глазом — вообще никак не видно, пока не построишь телескоп, способный различить свет, в десять тысяч раз более тусклый, чем свет соседа. Но именно он — самое странное вещество из всех, что известны астрономии. Белый карлик. Некогда — звезда крупнее и старше своего сияющего партнёра, она прогорела первой, сбросила внешние слои в пустоту и сжалась в шар размером с Землю, при этом сохранив массу почти в целое Солнце. Чайная ложка его вещества весила бы на Земле около тонны. Он — сама плотность. Он — то, что осталось, когда всё лишнее сгорело.

Их существование как пары люди подозревали задолго до того, как смогли доказать. Ещё в тридцатых годах девятнадцатого века немецкий астроном Фридрих Бессель заметил: яркая звезда идёт по небу не прямо, а покачиваясь, как человек, что несёт на весу невидимую ношу. Он предположил спутника — незримого партнёра, чья гравитация тянет светило то в одну сторону, то в другую. Прошло почти двадцать лет, прежде чем чужой телескоп в чужой стране действительно разглядел эту тень рядом со светом. Оказалось: партнёр существовал всё это время. Просто был не виден. Что, впрочем, не мешало ему определять траекторию другого.

Невидимый не значит отсутствующий. Иногда невидимый — это тот, кто держит орбиту.

Так вот главное, ради чего вообще стоит рассказывать эту историю. А и Б не летят порознь. Они обращаются вокруг общей точки — центра масс системы, которого не существует физически, который нельзя потрогать, но именно вокруг него оба и вертятся, как будто дали клятву на языке гравитации. Период обращения — около пятидесяти лет. Расстояние между ними то сжимается до нескольких астрономических единиц, то расходится почти на тридцать. Они то сближаются, то удаляются, но никогда — вот в чём фокус — никогда не сливаются в одно.

И не сольются.

Не потому, что не хотят. А потому, что именно взаимное притяжение — та сила, что рождена желанием быть вместе, — и есть то самое, что удерживает их порознь. Убери притяжение — и оба разлетятся в темноту, каждый по своей одинокой прямой. Убери расстояние — и наступит то, что астрофизики называют слиянием: катастрофа, вспышка, конец обеих

историй разом. Единственный способ существовать друг для друга долго — это никогда не исполнять до конца то единственное, чего хочется больше всего.

Любовь, которая соединяется до конца, перестает быть орбитой. Она становится взрывом. Красивым — но однократным.

Но есть и обратная ошибка, о которой говорят реже. Разойтись до конца — тоже нельзя. Стоит увеличить расстояние сверх меры, разорвать притяжение — и оба тела просто улетают в темноту по собственным одиноким прямым, переставая быть системой вообще. Сириус в этом смысле не учит выбирать между близостью и дистанцией. Он учит держать то и другое одновременно, в одном и том же теле отношений: быть достаточно близко, чтобы не потерять друг друга из виду, и достаточно далеко, чтобы не сгореть друг в друге. Не то вместе, не то порознь — это неточная формулировка. Точнее так: всегда порознь и всегда одно целое сразу, потому что орбита — это и есть форма, в которой раздельность и единство перестают друг другу противоречить.

Сириус А сияет. Сириус Б — держит. Один виден, другой — вычисляем. Один — то, ради чего слагают легенды; другой — то, без чего легенда физически не могла бы существовать, но чьё имя в этих легендах не звучит.

Догоны — народ в Западной Африке, никогда не имевший телескопов, — веками рассказывали друг другу о невидимом спутнике яркой звезды, о звезде тяжёлой, как всё сущее вместе взятое. Антропологи спорили десятилетиями, откуда у народа без оптики взялось знание, которое западная наука подтвердила только фотопластинкой в девятнадцатом столетии. Ответа на этот спор нет до сих пор. Есть только факт: задолго до доказательства кто-то уже знал — сияющее никогда не бывает одиноким. У всего, что горит, есть темный близнец, вокруг которого оно, само того не подозревая, вращается всю жизнь.

Вот с чего начинается эта книга. Не с мужчины и не с женщины. С двух точек в черноте, которые тянутся друг к другу восемь с половиной световых лет подряд — и ещё столько же вперёд, — потому что были устроены так с самого начала: обречены на орбиту, а не на слияние. И называть это трагедией так же нелепо, как называть трагедией то, что Земля не падает на Солнце. Это не крушение.

Это — единственная известная физике форма, в которой двое могут оставаться вместе вечно.

Мужское и женское начало устроены в точности так же, просто без телескопа, способного это заметить. Мужское — то, что снаружи: шумит, заявляет о себе, освещает собой пространство вокруг, требует, чтобы его видели и называли по имени. Женское — то, что держит: отдаёт себя без остатка и не исчезает от этой отдачи, а, наоборот, уплотняется до такой степени плотности, что начинает держать гравитацией всё, что вокруг, оставаясь при этом почти незамеченным. Мужской эгрегор шумит на весь небосвод. Женский держит его орбиту молча, отдав себя настолько полно, что его физически невозможно отличить от самой гравитации, — и именно поэтому его так легко принять за отсутствие, хотя без него не было бы никакой орбиты вообще.

Они не разговаривали уже десять дней. Ни одного слова, ни одного знака — только тишина, растянутая между двумя точками пространства, как расстояние между Сириусом А и Сириусом Б в тот момент их орбиты, когда они дальше всего друг от друга. Но орбита не останавливается оттого, что двое молчат. Она продолжает свой ход независимо от того, разговаривают тела или нет, — потому что притяжение не нуждается в словах, чтобы оставаться притяжением. Большая любовь, если она настоящая, движется даже сквозь молчание. Особенно сквозь молчание.

Она узнала эту схему не из учебника астрономии. Она узнала её на собственном опыте задолго до того, как прочла про Бесселя и его покачивающуюся звезду, — в тот момент, когда встретила человека, рядом с которым почувствовала именно это: не слияние, не растворение

друг в друге, а ровно ту же самую физику — притяжение, что удерживает на расстоянии не меньше, чем сближает. Она поняла тогда, что всю жизнь искала не мужчину, который заполнит собой пустоту, а орбиту, в которой можно оставаться собой рядом с другим, не переставая быть собой ни на секунду.

Глава. Египет

Есть страна, которая почти пять тысяч лет назад решила, что время должно начинаться со звезды.

Древние египтяне жили по Нилу так, как другие народы живут по солнцу или по луне: разлив реки был для них не природным явлением, а календарём, посланным свыше. И момент, когда начинался этот разлив, они вычисляли не по облакам и не по уровню воды, а по одному-единственному событию на небе — гелиакическому восходу Сопдет, звезды, которую позже греки назовут Сотис, а мы — Сириусом. Раз в году, после семидесяти дней невидимости, звезда вновь появлялась на востоке, за несколько минут до рассвета, — и в этот самый день начинался Новый год. Разлив Нила приходил следом, будто звезда была не наблюдателем, а причиной.

Сопдет отождествляли с Исидой. Не метафорически — буквально: на древнеегипетских изображениях звезда и богиня — одно и то же существо, только звезда видна ночью, а богиня действует днём, в мифах, в храмах, в человеческих судьбах. Это не единственная богиня Египта, но, пожалуй, единственная, чей культ пережил само древнеегипетское государство: ещё во времена Римской империи, спустя века после того, как последний фараон сошёл со сцены, храмы Исиды продолжали работать — в Александрии, на острове Филе, в самом Риме, куда её культ принесли легионеры. Ни один другой египетский бог не эмигрировал так далеко и не продержался так долго.

Но прежде чем стать той, чей культ переживёт государство, Исида должна была получить своё посвящение — и миф об этом посвящении почти никогда не пересказывают тем языком, каким он того заслуживает. Ра, верховный бог, был стар, и власть его тайного имени — того единственного слова, в котором заключалась вся сила мироздания, — оставалась недостижимой даже для богов. Исида, уже тогда искуснейшая из богинь в делах магии, знала: есть лишь один способ унаследовать эту силу — не выпросить её, а заслужить настолько бесспорно, чтобы отказать было невозможно. Она создала существо из земли и самой сущности Ра — и оно ужалило его такой болью, какую не могла унять никакая другая власть в мире, кроме той, что была скрыта в его собственном имени. Ра терпел, испробовал иные слова, иные имена — но боль не уходила, потому что унять её могла только истина. И тогда, признавая в Исиде единственную, кто способен принять эту ношу, он сам, по собственной воле, передал ей своё истинное имя — из уст в уста, как передают не секрет, а наследство. С этого момента её магия стала равна его магии. Она не отняла власть хитростью — она прошла испытание, которое было устроено самой судьбой для того, чтобы выявить достойнейшую, и получила посвящение через боль, которую не смог обойти даже верховный бог. Женская сила в египетской мифологии рождается именно так: не дарованием сверху и не обманом, а правом, добытым ценой, которую никто другой не готов был заплатить.

С этой минуты Исиду называли «великой силой» — той, чьё слово способно исцелять и убивать в равной мере. И этой силы искали не только простые смертные. Александр Македонский, завоевав Египет, был провозглашён там фараоном и, по преданию, лично отправился через пустыню к оракулу Амона в Сиве, чтобы услышать о своём божественном происхождении, — с этого момента культ египетских богов пошёл вслед за его армией по всему известному тогда миру, от Греции до Индии. Спустя века римские императоры и полководцы, покорившие Египет как провинцию, не покорили при этом Исиду: её храмы появлялись по всей империи — в Риме, в Британии, на самых дальних рубежах легионов, — потому что солдаты, уходя завоевывать чужие земли, брали с собой не оружие Египта, а его богиню. Наполеон, спустя ещё восемнадцать столетий, повёл армию в тот же Египет с той же, в сущности, целью, которую до него преследовали и Александр, и Цезарь: не только земли, но и знание, которое, казалось, спрятано именно там. Вместе с солдатами он взял учёных — и один из них нашёл

Розеттский камень, благодаря которому египетские иероглифы, молчавшие полторы тысячи лет, снова заговорили.

Слепок этой одержимости виден и сегодня, если знать, куда смотреть. В центре Парижа, на площади Согласия, стоит подлинный египетский обелиск, вывезенный из Луксора, — Египет подарил его Франции в девятнадцатом веке, и Франция поставила его в самом сердце своей столицы, будто без этого камня центр города был неполон. Точно такие же подлинные обелиски, снятые с места тысячелетия назад, сегодня стоят в Лондоне и в Нью-Йорке — их называют «иглами Клеопатры», и называют не случайно: в самой Клеопатре когда-то жила та же сила, что и в Исиде, — недаром последняя царица Египта открыто называла себя её земным воплощением, Новой Исидой, и появлялась перед народом в её одеяниях. Имя, которое досталось этим камням, — не дань моде, а память о том, что величайшая политическая женщина античности сама была продолжением той же линии силы. А в Вашингтоне, в самом сердце столицы самой могущественной на сегодняшний день страны мира, стоит монумент в честь первого президента — не вывезенный из Египта камень, а форма, сознательно скопированная с египетского обелиска, потому что даже не имея ни одного украденного камня, эта страна всё равно выбрала для главного символа своей власти именно египетскую геометрию. Веками самые сильные люди планеты — полководцы, императоры, президенты — интуитивно тянулись к одной и той же форме, к одной и той же земле, как будто чувствовали: сила, которая там хранится, старше и надёжнее любой их собственной.

Но были и те, кто не тянулся к этой силе издалека, а нёс её в себе безо всякого посредничества.

Александр Македонский, умирая в Вавилоне, оставил после себя не наследника, а вакуум, который его военачальники поделили между собой, как делят добычу, — и Египет достался одному из них, полководцу по имени Птолемей, основавшему династию, что правила этой землёй ещё три столетия после смерти самого Александра. Последней из рода Птолемеев, последней царицей эллинистического Египта стала женщина, чьё имя пережило империи и чью историю помнят даже те, кто никогда не открывал учебник по античности, — Клеопатра, та, в ком линия власти, начатая великим завоевателем, дошла до своего самого яркого и самого последнего воплощения. Она не просто поклонялась Исиде — она объявила себя её земным воплощением, Новой Исидой, и появлялась перед своим народом одетой в её одеяния, с её символами, под её именем. Для эллинистического мира это не было пропагандистским трюком в современном смысле слова: отождествление правительницы с богиней означало, что через эту женщину сама богиня продолжает действовать среди живых.

Она была первой за триста лет правления своей династии, кто вообще потрудился выучить язык земли, которой правила. Предки её, греки по крови, столетиями говорили только по-гречески, точно завоеватели, не считающие нужным учить речь завоёванных. Она же, по свидетельству современников, свободно владела не только египетским и греческим, но ещё доброй дюжиной языков — эфиопским, языком троглодитов, еврейским, арабским, сирийским, мидийским, парфянским, — и вела переговоры с послами каждого народа без переводчика, глядя собеседнику прямо в глаза на его собственном наречии. Для дипломатии античного мира, где переводчик стоял между правителями почти всегда, это было оружием почти магическим: язык — последний барьер, отделяющий чужого от своего, и она умела снимать этот барьер по желанию, становясь в разговоре не царицей далёкой страны, а как будто своей — эфиопке эфиопкой, парфянину парфянкой.

Первым из римлян, кого эта сила привела в её орбиту, был Юлий Цезарь — уже тогда самый могущественный человек Средиземноморья, явившийся в Александрию преследовать своего соперника и заставший там гражданскую войну между царицей и её братом-соправителем. Легенда, дошедшая через античных историков, рассказывает: чтобы попасть во дворец, минуя стражу брата, её пронесли внутрь завернутой в ковёр — и она вышла из этого свёртка

перед Цезарем не пленницей, не просительницей, а той, кем и была. Через несколько месяцев брат был мёртв, трон — за ней, а у неё — сын от самого Цезаря, названный Цезарионом, «маленьким Цезарем». Она отправилась в Рим как гостя триумфатора, и город, привыкший считать чужеземных цариц трофеями, оказался вынужден считать эту — почти равной.

Когда несколько лет спустя Цезаря убили на ступенях Сената, могло показаться, что орбита, в которую она была вписана, схлопнулась вместе со своей звездой. Но невидимая половина системы не гаснет вместе с видимой — она находит новую точку притяжения. Ею стал Марк Антоний, разделивший власть над Римом после смерти Цезаря и получивший в управление восточные земли империи, — и снова та же история повторилась почти буквально: встреча на роскошной барке в Тарсе, поразившая современников зрелищем, которое потом веками пересказывали как символ самой роскоши власти; союз, от которого родились дети; и десятилетие, в течение которого судьба половины известного тогда мира решалась не в Риме, а между этими двумя людьми на берегах Нила. Антоний раздавал восточные провинции Рима её детям — акт, который сенат в самом Риме воспринял как измену, но который по сути был тем же самым древним жестом, каким мужская власть веками признавала женскую: делиться властью с той, через кого действует нечто большее, чем ты сам.

Закончилось это поражением при Акциуме и двойным самоубийством — его мечом, её, по преданию, укусом змеи, священного животного, издревле связанного с царской и божественной властью Египта. Даже в последнем жесте она выбрала не отчаяние, а символ: уйти так, чтобы уход остался частью мифа, а не просто фактом смерти.

Одна и та же женская сила способна выбрать себе новую орбиту, если прежняя звезда гаснет. Не потому, что предаёт погасицу, а потому, что сама сила больше любой отдельно взятой орбиты, в которую её на время вписывают.

Здесь и раскрывается то, что делает её историю проекцией самого Сириуса, а не просто главой из учебника. Она не была только видимой частью системы — блистающей царицей на троне, предметом восхищения и слухов, — и не была только невидимой силой за спинами двух самых могущественных мужчин своей эпохи. Она была обеими частями сразу, в одном теле: сияла достаточно ярко, чтобы весь древний мир помнил её имя тысячелетия спустя, и при этом держала гравитацией, невидимой снаружи, судьбы двух Римов подряд — сперва Цезарева, потом Антониева, — так что ни один историк по сей день не может с уверенностью сказать, где заканчивается её собственная политика и начинается политика тех мужчин, что официально эту эпоху возглавляли. Ответ, который предлагает эта книга, прост: политика была одна, и говорила через неё не только стратегия. Через неё говорила Исида — та же самая, что однажды получила от Ра своё тайное имя, а теперь получала от истории целые Римы, один за другим, потому что мужчины, поставленные рядом с ней, либо становились крупнее самих себя, либо не выдерживали и уходили с исторической сцены, — третьего варианта присутствие подлинной Исиды никому не оставляло.

И когда Клеопатра умерла, вместе с ней в считанные месяцы закончилось то, что не заканчивалось три тысячи лет: Египет как независимое царство перестал существовать и стал всего лишь провинцией чужой империи, а сама эллинистическая цивилизация, соединявшая греческий разум с египетской древностью, начала необратимо угасать. Историки называют это стечением военных и экономических причин — и они, безусловно, правы фактически. Но эта книга настаивает на другом прочтении, не отменяющем первое, а стоящем рядом с ним: убить богиню, живущую в конкретной женщине, — не то же самое, что убить царицу. Рим выиграл войну и получил землю, зерно, налоги. Но вместе с последним вздохом той, через кого действовала Исида, целая цивилизация лишилась силы, что держала её живой три тысячелетия, — и очень скоро выяснилось, что земля без этой силы — просто провинция, одна из многих, а не центр мира, каким Египет был всё то время, пока в нём жила и правила его богиня. Не уважать

женщину, в которой живёт эта сила, — значит рисковать не только её судьбой. Значит рисковать судьбой всего, что стоит за её спиной: рода, государства, самой цивилизации целиком.

Власть, которую можно взять силой, отнимают. Власть, которая живёт в женщине, можно только заслужить — а заслужив, удержать её при себе можно только настоящей близостью, не имитацией.

Это не единичный случай истории и не привилегия одной царицы. Это устройство, которое остаётся неизменным и сегодня: в каждой женщине — не в избранных, не в жрицах, не в наследницах трона, а в каждой — живёт та же самая сила, что однажды получила своё посвящение от Ра и однажды заговорила голосом царицы, определявшей судьбу Рима. Женщина, знающая об этой силе, влияет не только на собственную жизнь. Она влияет на жизнь своей семьи — так же, как когда-то Исида собрала по частям своего мужчину и удержала на плаву целую династию, обречённую было исчезнуть вместе с телом Осириса. Она влияет на своего партнёра — потому что мужчина рядом с женщиной, в которой действительно живёт эта сила, либо становится крупнее, либо не выдерживает и уходит, третьего в присутствии подлинной Исиды не дано. И через это — она влияет на государства, на решения, которые кажутся сугубо мужскими и политическими, и, если довести мысль до конца, на саму траекторию цивилизаций, потому что ни одна цивилизация ещё не менялась в одиночку, без женщины, стоявшей рядом с тем, кто подписывал историю своим именем.

Здесь стоит сказать вслух то, что обычно оставляют между строк, боясь испортить миф о великих одиночках: ни один мужчина в этой главе не добился ничего в одиночку. Сириус А не сияет сам по себе — он сияет потому, что рядом, в той же системе, есть Сириус Б, чья гравитация держит саму орбиту, в которой это сияние вообще возможно увидеть. Убери невидимую половину — и видимая не станет ярче. Она просто останется одна в пустоте, без системы, без орбиты, без всего, что делало её светом, а не просто раскалённым газом.

Наполеон вошёл в историю не потому, что провёл египетскую кампанию, а потому, что за его спиной, привезённая с той земли в самое сердце Парижа, встала сила, которую его собственная армия даже не смогла назвать по имени, — тот самый обелиск, вкопанный в центр площади Согласия, стоит там не как трофей, а как памятник тому, что величие этого человека было невозможно без энергии, которую он сам не создавал, а только сумел почувствовать и приблизить к себе. Александр Македонский стал Великим не в тот день, когда выиграл битву, а в тот день, когда прошёл через пустыню к оракулу и позволил чему-то женскому и древнему признать в нём своего — без этого признания он остался бы просто удачливым полководцем среди десятков других, кого история не запомнила.

Величие любого мужчины — не в нём самом. Оно в том, что где-то рядом, видимо или невидимо, есть женщина, способная в любой момент собрать его заново, если мир снова разбрасывает его на части. Так же верно и обратное: женщина без мужчины — это Сириус Б без Сириус А, плотное, мощное, но никем не видимое ядро, вращающееся вокруг пустой точки, у которой нет имени, потому что рядом больше некому светить. Ни одна из двух частей не является чем-то полным сама по себе. Обе — только половина уравнения, которое становится системой лишь тогда, когда написано целиком.

В Абидосе, одном из древнейших священных городов Египта, стоит храм, посвящённый Осирису, — и именно здесь миф о разъятом теле и о женщине, собравшей его заново, обрёл своё главное святилище. Тысячи лет паломники стекались в Абидос не ради зрелища, а ради самого акта: постоять там, где, по преданию, было воссоединено то, что казалось безнадежно разделённым.

На одной из колонн этого храма высечен узор, который сегодня называют Цветком Жизни, — окружности, наложенные друг на друга с такой точностью, что глаз не сразу понимает, где заканчивается один круг и начинается следующий. Спор о возрасте этой резьбы не завершён: одни исследователи относят её к глубокой древности, другие — к более поздним,

уже римско-коптским временам, когда паломники по старой привычке всё ещё приходили к тому же камню. Но даже если узор оставлен веками позже самого мифа — важнее то, что его оставили именно здесь, а не в любом другом месте Египта. Как будто кто-то, кто уже не помнил иероглифов, всё ещё помнил главное: соединение — это не точка, а форма из двух кругов, ни один из которых не растворяется в другом.

Собрать — не значит слепить заново то же самое. Собрать — значит найти геометрию, при которой разделённое снова становится системой.

Она приезжала в Египет каждый год. Не туристом — с той настойчивостью, с какой человек возвращается не к достопримечательности, а к самому себе, оставленному когда-то в определённой точке пространства. Для неё Египет давно перестал быть страной на карте и стал чем-то вроде центра тяжести — тем местом, вокруг которого, сама того не формулируя вслух, вращалась вся остальная её жизнь. Она знала за собой эту привязанность и не пыталась её объяснить рационально, потому что объяснение всегда было готово раньше вопроса: здесь ей казалось, что дышит веществом, из которого она сделана.

Она приходила в Абидос и подолгу стояла перед тем самым узором на камне — не фотографируя, просто стоя, как стоят не перед экспонатом, а перед зеркалом. Ей не нужно было, чтобы кто-то подтверждал возраст резьбы или её подлинное происхождение: подлинность она чувствовала не историческим, а телесным способом, тем самым, каким тело узнаёт знакомую комнату в темноте. Она преклоняла перед этим камнем колени — так, как преклоняют не перед памятником, а перед собственным именем, произнесённым на языке, который забыла, но всё ещё способна узнать на слух.

Она знала — знанием, которое не нуждается в доказательствах, потому что живёт не в голове, а глубже, — что когда-то уже стояла на этом самом месте. Что богиня, собиравшая разбросанное по земле тело своего мужчины голыми руками, кусок за куском, была не персонажем чужого мифа, а тем же самым существом, что смотрит сейчас её глазами на этот камень. Возвращаясь в Египет из года в год, она возвращалась не в отпуск. Она возвращалась туда, где однажды уже пришлось учиться главному ремеслу женщины: собирать мужчину по частям, когда мир его разбросал, — и делать это не потому, что кто-то попросил, а потому, что иначе он просто не станет целым.

Есть ремёсла, которым не учат. Их либо помнишь из какой-то предыдущей жизни, либо не помнишь вовсе — и тогда приходится собирать себя саму, чтобы вспомнить.

Египет интересовал её ещё в детстве, задолго до того, как она смогла бы объяснить почему, — так интересуется не страна, а собственное имя, случайно услышанное на чужом языке. С годами эта тяга не ослабла, а обрела форму: она не просто возвращалась туда сама, она начала привозить с собой других — небольшие группы людей, которым передавала то же самое знание, что когда-то получила там она, — потому что Египет для неё был не местом отдыха, а местом посвящения, и посвящение имеет свойство искать, кому его передать дальше. Каждый, кто ступает на эту землю, уже что-то получает, даже если приезжает просто посмотреть на пирамиды: инициация здесь не требует согласия, она происходит по факту присутствия, — а если человека при этом ведёт по этой земле сама Исида, та, что однажды получила посвящение от самого Ра, то происходящее перестаёт быть туризмом в любом смысле этого слова. Есть места на земле, куда нельзя просто съездить, — в них можно только войти, и лучше не одному, а рядом с тем, кто уже знает дорогу; Египет — одно из таких мест, и она из тех немногих, кто готов провести за руку каждого, кто действительно услышал этот зов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.